Ефрем Сирин, св. Толкование на Четвероевангелие [16–17 гл.] / Пер. А. А. Спасского; под ред. М. Д. Муретова // Богословский вестник 1897. Т. 3. № 7. С. 241–256 (1-я пагин.). (Продолжение.)

съ неба, неся ей въ своихъ устахъ привѣтствіе: посему сказалъ: „*сшедшій съ неба*“,

Затѣмъ, такъ какъ на слова Никодима Господь сказалъ: „*ты—учитель Израилевъ, и этого не знаешь* (Іоан. 3, 10)“, то спросимъ, что (иное) онъ долженъ былъ знать, какъ не то, что содержалось въ законѣ и пророкахъ, именно, погружать (въ воду) иссопъ, кропить водой, крестить для очищенія и другое подобнаго рода. Если бы ранѣе пришествіе Сына не были начертаны образы (Его), то Господь несправедливо бы требовалъ такъ отъ Никодима. Поелику же въ святыхъ писаніяхъ Своихъ былъ сокрытъ Сынъ Божій, а онъ (Никодимъ) не уразумѣлъ того, то Господь справедливо разсѣялъ его сонъ и исцѣлилъ недугъ кроткимъ и сдержаннымъ голосомъ, и напомнилъ ему крещеніе отпущенія, какое существовало среди Израиля. Вѣдь, и Захарія, когда было возвѣщено ему о томъ, что онъ будетъ имѣть сына, усумнился, и посему его языкъ, которымъ онъ училъ другихъ, былъ связанъ. Подобнымъ образомъ и у Никодима всѣ эти образы предлежали предъ глазами, и онъ не повѣрилъ; по этой причинѣ Господь подвергъ его порицанію; но кротко. Такъ какъ Господь видѣлъ, что онъ, конечно, болѣетъ, но (въ то же время) близокъ къ исцѣленію, и не знаетъ того, что прежде было написано о Немъ въ законѣ, то показалъ ему крещеніе совершеннаго очищенія плоти и души.

Развѣ ты, Никодимъ, не уразумѣлъ, что Іаковъ помимо утробы и чрева родился къ первородству (Быт. гл. 27), и Неманъ былъ возрожденъ безъ утробы, когда Елисей бесѣдовалъ съ нимъ, и онъ ушелъ, и послѣ омовенія и очищенія возвратился безъ перемѣны, а плоть его сдѣлалась, какъ плоть

© Московская Духовная Академия, 2007

ребенка (ср. 4 Ц. 5, 14)? Подобно сему и Марія, сестра Моисея, развѣ не была яснымъ знаменемъ крещенія, какое дано язычникамъ? Ибо иссопъ очистилъ пятнистыя ея язвы. Удивительно, что Нееманъ повѣрилъ и взялъ съ собой землю изъ страны Израильской, Никодимъ же спросилъ Господа о небесномъ, почему и услышалъ: „*если Я говорю вамъ о земномъ, и вы не вѣрите, то какъ повѣрите, если буду говорить вамъ о небесномъ*“? Говоритъ далѣе: „*не знаете духа, откуда приходитъ или куда уходитъ*(Іоан. 3, 8)“, то есть, если чувственное не можетъ быть обнято, то кто будетъ въ состояніи изслѣдовать то, что не воспринимается чувствами и что находится на небѣ? „*И никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ неба Сынъ человѣческій*“,—дабы научить, что никто не восходилъ къ мѣсту Божества и никто никогда не взойдетъ.

И сказалъ ему: „*развѣ какимъ-нибудь образомъ можетъ быть, чтобы старый человѣкъ снова вошелъ въ утробу матери своей и снова явился на свѣтъ* (Іоан. 3, 4)? И сверхъ того утроба матери чрезъ рожденіе его сдѣлалась нечистою по закону, какъ и произведенный его человѣкъ. И Господь не оставилъ его въ этомъ недоумѣніи, [1]) но далъ ему ясное ученіе, говоря: „*если кто не родится отъ воды и Духа, не можете войти въ царство небесное* (Іоанн. 3, 5)“. Кто хотѣлъ понять, тотъ могъ изъ этихъ предложенныхъ ему словъ и изъ этого примѣра заключить, что плоть нуждается въ погруженіи въ воды съ сообщеніемъ Духа. „*Рожденный отъ плоти есть плоть, и рожденный отъ Духа есть духъ* (Іоан. 3, 6)“. Поелику наставлялъ его въ вѣрѣ, то говоритъ, что

---

[1]) Буквально: слабость.

рожденіе плоти видимо, рожденіе же крещенія есть духъ, то есть, невидимо. „*Еслн*,—говоритъ,—*будете имѣть вѣру съ горчичное зерно и скажете этой горѣ: передвинься, и передвинется* (Мѳ. 17. 20)“. И еще: „*все, чего ни попросите отъ Бога въ молитвахъ вашихъ съ вѣрою, дамъ вамъ* (Мѳ. 21, 22)“. Когда это было поставлено имъ на видъ, то они сказали ему: „*умножь намъ вѣру* (Лк. 17, 5)“.

Змѣй, ужаливъ въ раю Адама, умертвилъ (его) и погубилъ Израильтянъ въ лагерѣ. „*И какъ Моисей вознесъ змія въ пустынѣ, такъ должно быть вознесену Сыну человѣческому* (Іоан. 3, 14)“, потому что, какъ посредствомъ того изображенія, какое Моисей прибилъ къ кресту, смотрѣвшіе на него тѣлесно, были освобождены тѣлесно и остались живыми, такъ спасенные пригвожденнымъ тѣломъ Христа, висящаго на крестѣ, пребываютъ живы тѣ, кои съ вѣрою взираютъ на Него. Чрезъ страданія, коихъ змѣй не могъ испытывать по природѣ своей, было указано, что на крестѣ пострадаетъ Тотъ, Кто по Своей природѣ не умираетъ.

„*Въ этомъ судьѣ грѣшникѣ* (Лк. 18, 1—8)“ сколь велика была неправда и злобность? Или въ этомъ судьѣ праведномъ сколь велики были милосердіе и правда? По своей неправдѣ не хотѣлъ защитить вдовы и по своей злобности не хотѣлъ позаботиться о покоѣ ея. Правда же Божія умѣетъ взыскивать и милосердіе Его готово оживотворять и согрѣвать.

Итакъ, неправедность сего судьи противоположна правдѣ Божей и его отвратительная злобность противорѣчитъ сладостному милосердію Божію. И жестока была неправда его, такъ какъ онъ осмѣлился отступить отъ страха Божія, и велико было безстыдство его, ибо онъ презиралъ уваженіе къ лю-

дямъ. Жестоки были оба эти (свойства его), но то и другое превозмогла настойчивость молитвы. Вѣдь, и неправду, которая отступила отъ Бога, и безстыдство, которое превозносилось надъ людьми,—все это сломила настойчивость женщины и склонила къ своему желанію, дабы (судья) защитилъ ее противъ врага. Настойчивая молитва превратила ту и другую горькую вѣтвь, дабы онѣ принесли ей сладкіе плоды, несвойственные ихъ природѣ. Итакъ, судья этотъ, не устоявъ въ своей злобѣ, оказалъ ограбленной женщинѣ правый судъ и праведное воздаяніе и далъ покой несчастной и угнетенной. Однако-же неправда не способна праведно защищать и злобность не можетъ возстановлять нарушенное право. Значитъ, если эти два грубыя зла непрестанная молитва заставила дать ей плодъ добрый и противоположный ихъ природѣ, то насколько болѣе будемъ услышаны мы, если непрестанно станемъ понуждать милосердіе и правду Божію, дабы они доставляли намъ плодъ соотвѣтствующій природѣ своей, то есть, чтобы правда защитила насъ и милосердіе утѣшило насъ, поелику праведно воздавать терпящимъ неправду есть плодъ правды и давать успокоеніе несчастнымъ есть плодъ милосердія.

„*Пришли и сказали Ему: какою властью Ты дѣлаешь это (Мѳ. 21, 23)?*“ Сіе говорятъ Ему, пока Онъ училъ народъ и проповѣдовалъ ему.

Если училъ, то почему ученіе назвали дѣломъ? А потому, конечно, что истину словъ Своихъ подтверждалъ свидѣтельствомъ дѣлъ Своихъ, какъ и сказалъ: „*если Мнѣ не вѣрите, то дѣламъ-то вѣрьте* (Іоан. 10, 38)“.

„*Какою властью Ты это дѣлаешь?*“ Спросили Его, какъ сыщики, (но) имъ Онъ не отвѣтилъ, потому

что не съ благорасположеніемъ приступили къ Нему, дабы научиться, а какъ бунтовщики и враги. Въ свою очередь скорѣе спросилъ ихъ: „*крещеніе Іоаннова откуда было* (Мѳ. 21, 25)?“ Сіе слово принудило ихъ сознаться, что они не вѣрили Іоанну. „*Съ неба было или отъ человѣковъ? Они начали разсуждать между собою и говорить: если скажемъ, что съ неба, то Онъ скажетъ намъ: почему не повѣрили ему! Если же сказать: отъ человѣковъ, то боимся народа сего* (Мѳ. 21, 25. 26)“. Говоря: „*если скажемъ, что съ неба*“, не добавили: боимся Бога. Значитъ, людей убоялись, а не Бога.

„*Какъ вамъ кажется! У одного человѣка было два сына* (Мѳ. 21, 28)“. Сыновьями назвалъ ихъ, чтобы побудить ихъ къ предстоявшему дѣлу. „*Хорошо*,—говоритъ, — *Господи!*“ Сей назвалъ его сыномъ, а онъ отвѣтилъ Ему: *Господи!* Не назвалъ Его отцомъ и тѣмъ не менѣе не исполнилъ Его слова. „*Кто изъ нихъ исполнилъ волю отца своего?*“ И они, справедливо разсуждая, сказали: „*второй* (Мѳ. 21, 31)“.

Не сказалъ: который изъ двухъ, по вашему мнѣнію, сказалъ: „*я иду*“, но: „*который исполнилъ волю отца своего?*“ „*Посему мытари и блудники предварятъ васъ въ царствѣ небесномъ* (Мѳ. 21, 31)“, потому что вы обѣщаете на словахъ, а они подвизаются (на дѣлѣ). „*Пришелъ къ вамъ Іоаннъ путемъ праведности* (Мѳ. 21, 32)“, то есть, чести Господа своего онъ не похитилъ себѣ, но когда подумали, что онъ есть Христосъ, то отвѣтилъ имъ, что онъ недостоинъ понести ремни у обуви Его (ср. Мѳ. 3, 4).

Иная притча: „*одинъ человѣкъ, домохозяинъ, насадилъ себѣ виноградникъ* (Мѳ. 21, 33)“, что́ тожественно съ слѣдующимъ (изреченіемъ): „*изъ Египта*

перенесъ Ты виноградную лозу, выгналъ народы и посадилъ ее (Пс. 79, 9)".

И часто ограждалъ его, именно закономъ,—и точило устроилъ въ немъ—жертвенникъ, и построилъ въ немъ башню—храмъ и пр. „*И послалъ слугъ своихъ принести ему плодъ* (Мѳ. 21, 34)". Однако, ни первые, ни слѣдующіе, ни послѣдніе не получили плода отъ виноградарей. Послѣ сего послалъ сына своего, не потому чтобы онъ былъ младшій изъ всѣхъ, но послѣ явился Тотъ, Который былъ уже прежде, какъ и свидѣтельствуетъ Іоаннъ: „*но за мнѣ придетъ мужъ, который въ тоже время и прежде (меня)* (Іоан. 1, 15)". Не незналъ, что предшественники, коихъ посылалъ, не способны были получить плоды, но сдѣлалъ это для того, чтобы не дать мѣста жалобамъ упрямыхъ людей, которые сказали бы: „посредствомъ закона не могъ упорядочить и устроить все, что хотѣлъ?" Итакъ, послалъ сына, дабы наложить на нихъ молчаніе. Но когда увидѣли, что пришелъ сынъ, то сказали: „*вотъ наслѣдникъ этого виноградника, пойдемъ, убьемъ его, и тогда наслѣдство виноградника будетъ наше* (Мѳ. 21, 38)". Правда, сына они убили, но наслѣдство виноградника было перенесено и отдано язычникамъ, какъ и сказалъ: „*кто имѣетъ, тому дано будетъ и пріумножится, а кто не имѣетъ, у того отнимутъ и то, что онъ похитилъ* (Мѳ. 13, 12, 25, 29)".

Сдѣлалъ ихъ судьями въ ихъ собственномъ дѣлѣ, говоря: „*чего заслуживаютъ эти виноградари* (Мѳ. 21, 40)?" Высказывая себѣ приговоръ, они постановили: „*злыхъ предастъ злой смерти* (Мѳ. 21, 41)" и пр. Затѣмъ, изъясняетъ смыслъ (этой притчи) и говоритъ: „*развѣ никогда не читали: камень, который отвергли строители, тотъ самый сдѣлался главой угла*

(Мѳ. 21,42)?"Какой камень? Тотъ, который называется алмазнымъ въ слѣдующихъ словахъ: „*Я положу алмазъ среди сыновей израильскихъ* (ср. Іез. 3, 9; Ис. 54, 12)". И дабы научить, что Онъ Самъ и есть сей камень, по причинѣ немощи ихъ говоритъ: „*всякій, кто преткнется на немъ, разобьется, и на кого онъ упадетъ, того раздавитъ и сокрушитъ* (Мѳ. 21, 44)"; ибо князья народа собрались противъ Него и хотѣли погубить Его, такъ какъ неугодно было имъ ученіе Его. И сказано: „*на кого упадетъ, того раздавитъ и сокрушитъ*", потому что уничтожилъ идолослуженіе и прочее сему подобное. Вѣдь, камень, который разбилъ истукана, сдѣлался великой горой и имъ наполнилась вся земля (ср. Дан. 2, 35).

„*Послали къ нему учениковъ своихъ съ иродіанами (съ вопросомъ): давать-ли подати* (Мѳ. 22, 16, 17)"? Поелику вѣрили, что Господь долженъ владѣть царствомъ Израильскимъ, такъ какъ называли Его сыномъ Давида, то хотѣли видѣть, повелитъ-ли Онъ давать подать кесарю? Вѣдь, если бы сказалъ: „не давайте", то нашли бы (здѣсь) предлогъ къ обвиненію Его за то, что объявилъ Себя царемъ. Потому что сказали Ему это не съ тѣмъ, чтобы Онъ удержалъ ихъ отъ нарушенія подати, но чтобы убить Его. А чтобы показать имъ, что Его ученіе выше этихъ вещей и что Онъ хочетъ спасти жизнь людей, говоритъ: „*дайте Кесарю кесарево, а что должны Богу, отдавайте Ему* (Мѳ. 22, 21)".

„*Пришли саддукеи и говорятъ Ему: нѣтъ воскресенія мертвыхъ* (Мѳ. 22, 23)". Называются они саддукеями, то есть, праведными, потому что говорятъ: мы почитаемъ Бога неради награды: вѣдь, они не взираютъ на награду въ воскресеніе мертвыхъ; посему называютъ себя праведниками. Намъ должно, гово-

рятъ, помимо награды почитать Бога. „*Моисей учитель далъ намъ заповѣдь: если кто умретъ, не имѣя дѣтей, то братъ его пусть возьметъ жену его. Такимъ образомъ одна жена была у семи братьевъ. Итакъ, въ воскресеніе мертвыхъ кому изъ нихъ она будетъ принадлежать* (Мѳ. 22, 24 — 28)?“ Можно-ли надѣяться, что въ другомъ мірѣ снова будетъ брачное сожительство? А если іудеи ожидаютъ брачнаго сожительства въ воскресеніе мертвыхъ, то не удивительно, что они и теперь отвращаются отъ цѣломудрія. „*Весьма заблуждаетесь, потому что чада міра сего женятся и пр. Тѣ же, кои сподобились достигнуть того міра, суть, какъ ангелы* (Лк. 20, 34. 35)“. Если люди, которые становятся подобными ангеламъ, не вступаютъ въ бракъ, то что сказать о тѣхъ, кои осмѣливаются по этому поводу клеветать даже на ангеловъ [1])?

„*Какая заповѣдь первая и наибольшая въ законѣ* (Мѳ. 22, 36)“? Отвѣтилъ ему: „*возлюби Господа Бога твоего и ближняго твоего, какъ самого себя* (Мѳ. 21, 37—40)“. Ибо любовь къ Богу не позволяетъ погублять насъ, а любовь къ ближнимъ не допускаетъ обижать насъ, потому что никто не обижаетъ того, кого любитъ. Но какія сердца могутъ быть вмѣстилищемъ любви ко всѣмъ чадамъ своей плоти? Или какой человѣческій духъ обладаетъ способностью распространить на всѣ души ту любовь, какую посѣяла въ немъ эта заповѣдь, составляющая правило любви? „*Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя*“. Члены наши недостаточны для того, чтобы быть сосудами быстрои и щедрой воли Божества, но только

---

[1]) Въ семъ мѣстѣ св. авторъ обличаетъ тѣхъ, кои утверждаютъ по поводу Быт. 6, 1—2, что ангелы состояли въ брачномъ сожительствѣ съ дочерьми человѣческими. Сл. толков. Ефрема Сир. на Быт. 6, 1—2.

плодъ, который отъ Бога, можетъ удовлетворять Его волѣ. Пришли ангелы, дѣйствующіе сообразно своей природѣ, пришли цари, дѣлая то, что свойственно имъ, пришли пророки, совершая чудеса, однако люди не были спасены, пока не сшелъ съ неба Тотъ, Кто какъ бы рукою взялъ насъ и возставилъ. Итакъ, каждый ученикъ Христа посредствомъ этихъ двухъ заповѣдей летаетъ какъ бы посредствомъ двухъ крыльевъ, именно, любовью къ Богу и любовью къ людямъ.

„*Сей израненный* (Лк. 10, 25 и 37)“ означаетъ іудеевъ, а въ лицѣ самарянина (Господь) подвергъ порицанію священниковъ и левитовъ, которые не оказали милосердія къ чадамъ народа своего. Сказалъ ему: „*и ты поступай также* (Лк. 10, 37)“, то есть, съ іудеями, согражданами твоими. Не сказалъ: будь самарянпномъ. Такъ какъ именно онъ спрашивалъ о томъ: „*кто мой ближній*“, то есть, кто тотъ, котораго я долженъ возлюбить, то Господь указалъ ему на раненаго іудея. Поелику же самарянинъ былъ врагомъ также и язычникомъ, то почему вмѣсто раненаго іудея (Господь) не привелъ въ примѣръ въ сей притчѣ язычника? Развѣ и такимъ образомъ Онъ не подвергъ бы стыду священниковъ и левитовъ, кои не оказали милосердія къ дѣтямъ народа своего? (Но) если бы Онъ вывелъ въ притчѣ какого-либо язычника, то высказалъ бы въ этомъ случаѣ нѣчто совсѣмъ неумѣстное, потому что іудеи не имѣли попеченія о язычникахъ, а Онъ (между тѣмъ) въ заключеніе сказалъ ему: „*поступай также*“. Но теперь намъ скажутъ: повелѣвалъ или нѣтъ законъ оказывать милость нашему раненому? Если это такъ, то Господь, можетъ быть, пришелъ для того, чтобы защитить самарянина отъ клеветы, особенно когда

сказалъ ему: не поступай такъ, какъ (поступали) тѣ, кои не оказали милосердія [1]). И дабы показать, что попавшійся разбойникамъ былъ іудей, сказалъ: „*изъ Іерусалима въ Іерихонъ*". А тамъ обитали самаряне, такъ какъ древніе цари отвели ихъ въ плѣнъ и поселили тамъ. Смыслъ этой рѣчи ясно направляется къ тому, чтобы похвалить милосердіе. „*Кто изъ нихъ, думаешь ты, былъ ближній раненому? Говоритъ ему: оказавшій милосердіе* (Лк. 10, 36. 37)". И вотъ, онъ былъ самарянинъ. Итакъ, ясно было, что самарянинъ оказался ближнимъ сыну не своего народа. Хотя, говоритъ, однокровные и священники, кои обязаны нести заботу о несчастныхъ, презрѣли и пренебрегли дѣтьми народа своего, однако,—если и случится, что ты родился отъ этихъ враговъ самарянъ,—не презирай несчастнаго, но считай его своимъ ближнимъ и съ великимъ попеченіемъ врачуй (его).

„*Господь возгласилъ и сказалъ: если кто изъ васъ жаждетъ, пусть идетъ ко Мнѣ и пьетъ* (Іоан. 7, 37)". Тоже сказалъ пророкъ въ слѣдующихъ словахъ: „*всякій жаждущій и пр.* (Ис. 55, 1)". Пророкъ послалъ къ источнику, а Кто исполняетъ пророковъ (ср. Мѳ. 5, 17), Тотъ призываетъ пить. Тоже сказала и Премудрость; „*пьите хлѣбъ мой и пейте вино, мною растворенное, и оставьте неразуміе вашей глупости и живы будете* (Прит. 9, 5—6)".

Поелику они въ самопревозношеніи рукоплескали самимъ себѣ и хвалились именемъ Авраама, дѣла же дѣлали сатанинскія, то сказалъ имъ: „не берите

[1]) Смыслъ этого мѣста, повидимому, такой: если помогать израненому согласно съ требованіемъ закона, то выводя въ своей притчѣ милосерднаго самарянина, Господь хотѣлъ защитить его народъ отъ того упрека въ нелюбви къ ближнимъ, какой дѣлали іудеи самарянамъ.

себѣ имя одного и дѣла другаго; или дѣлайте дѣла того, именемъ коего хвалитесь, или принимайте имя того, чьи дѣла господствуютъ въ васъ". „*Если вы дѣти Авраама, то и дѣлайте дѣла Авраама* (Іоан. 8, 39)".

Дабы показать, что существуетъ великое различіе между именемъ Авраама и тѣми дѣлами, какія вы дѣлаете, сказалъ: „*вы дѣти сатаны, который отъ начала былъ человѣкоубійцей* (Іоан. 8, 44)", и добавилъ: „*за что ищете убить Меня? Авраамъ этого не дѣлалъ* (Іоан. 8, 40)". Предвозвѣстилъ же имъ это для того, чтобы, во-первыхъ, убѣдить ихъ не убивать Его; затѣмъ, чтобы взять свидѣтельство отъ ихъ же собственныхъ словъ: „*кто хочетъ убить Тебя*" дабы, когда убьютъ Его, они оказались осужденными посредствомъ этихъ словъ. „*Авраамъ этого не дѣлалъ*", а напротивъ пожалѣлъ тѣхъ, кои дѣлали зло, то есть, содомитянъ. Итакъ, что общаго между Авраамомъ, который былъ милостивъ къ грѣшникамъ, и тѣми, кои искали убить Господа праведниковъ? „*Самарянниномъ*" же назвали Господа (Іоан. 8, 48) потому, что самаряне вопреки іудеямъ утверждали о себѣ самихъ: мы—дѣти Авраама, какъ и іудеи, въ противоположность имъ, тоже увѣряли о себѣ. Когда же Господь сказалъ іудеямъ: „*если вы дѣти Авраама, то также дѣлайте и дѣла его*", то іудеямъ показалось, что эти Его слова имѣютъ въ виду притязанія самарянъ, посему и сказали Ему: „*Ты—самарянинъ*".

„*Авраамъ радъ былъ увидѣть день Мой, увидѣлъ и возрадовался* (Іоан. 8, 56)". Какой день? Тотъ, о которомъ было сказано ему: „*въ сѣмени твоемъ благословятся всѣ народы* (Быт. 22, 18)". Увидѣлъ же и возрадовался, потому что позналъ таинство агнца.

спасеніе всѣхъ народовъ. „*Тебѣ нѣтъ пятидесяти лѣтъ, и Ты видѣлъ Авраама? Отвѣтилъ имъ: прежде нежели существовалъ Авраамъ, Я уже былъ* (Іоан. 8, 57. 58)“. Поелику Христосъ былъ и, хотя сокровенно, присутствовалъ при томъ, когда Исаакъ посредствомъ агнца сохраненъ былъ для жизни, посему на немъ показалъ Свое знаменіе. И спасенное чрезъ агнца сѣмя его, послѣ того какъ ушло въ Египетъ и оставалось тамъ долгое время, подъ таковымъ же образомъ агнца было освобождено Тѣмъ, Кто въ прежніе вѣка предъизображенъ былъ въ (лицѣ) Исаака. Съ того времени закалали многихъ агнцевъ, пока не пришелъ истинный агнецъ. И когда Іоаннъ подходилъ къ Нему, то воскликнулъ: *вотъ агнецъ Божій* (Іоан. 1, 29)“. А такъ какъ пришелъ истинный агнецъ, то тѣ агнцы, кои служили только образами Его, прекратились.

Поелику (іудеи) поносили Его за то, что сказалъ: „*прежде, нежели былъ Авраамъ, Я есмь, и когда Авраама еще не было, Я былъ*“, то „*встрѣтилъ слѣпаго отъ утробы матерней. И спросили Его ученики: чей грѣхъ? И отвѣтилъ имъ: ни его, ни родителей его, но да откроются на немъ дѣла Божіи. И мнѣ должно дѣлать дѣла Отца Моего, пославшаго Меня, доколѣ есть день* (Іоан. 9, 1—4)“, то есть, пока Я у васъ. Придетъ ночь, и Сынъ вознесется къ Отцу на небеса, и вы, являющіе собой „*свѣтъ міра* (Мѳ. 5, 14), преданы будете на смерть и прекратятся знаменія по причинѣ невѣрія многихъ. „*И сказавъ это, плюнулъ на землю и сдѣлалъ бреніе изъ плюновенія Своего* (Іоан. 9, 6)“, и сдѣлалъ очи въ этомъ бреніи, и свѣтъ появился въ землѣ, какъ сдѣлалъ и въ началѣ (міротворенія), когда сѣнь небесная или мракъ разсѣянъ былъ повсюду, и далъ повелѣніе свѣту и онъ родился изъ

мрака. Такъ и этотъ свѣтъ, созданный изъ плюновенія Его, пополнилъ недостатокъ первоначальнаго творенія, дабы ясно было, что какъ (этотъ) недостатокъ естества пополненъ былъ Имъ, такъ и все твореніе первоначально было Имъ совершено и окончено. Поелику они не хотѣли вѣрить, что Господь былъ прежде Авраама, то сіе дѣло доказало имъ, что Онъ есть Сынъ Того, Кто чрезъ Него создалъ изъ земли перваго Адама, ибо Онъ посредствомъ земли пополнилъ и совершилъ то, чего недоставало сему (слѣпому),

Затѣмъ, сдѣлалъ сіе для того, чтобы обличить тѣхъ, кои говорятъ, что человѣкъ состоитъ изъ четырехъ элементовъ. Ибо изъ земли и плюновенія образовалъ то, чего недоставало въ членахъ (слѣпаго). Далѣе, сдѣлалъ это для пользы ихъ, поелику знаменія ободряли ихъ и научали вѣрѣ. „*Іудеи*, говоритъ, *знаменія ищутъ* (1 Кор. 1, 22)“. Вѣдь, не Силоамъ раскрылъ очи слѣпаго, какъ не воды Іорданскія исцѣлили и Неемана, но повелѣніе Христа содѣлало это. Совершенно также и вода очищенія нашего не сама собой освящаетъ, но имена, кои воспоминаются надъ ней, они очищаютъ насъ. Итакъ, бреніемъ помазалъ глаза его, дабы и прочіе омыли слѣпоту сердца своего. И когда слѣпой, проходя чрезъ толпу людей, спрашивалъ: гдѣ Силамъ, и они замѣчали бреніе, коимъ помазаны были его глаза, то и сами, разспрашивая его и научившись у него, сказали: пойдемъ же и мы съ нимъ, и ушли, чтобы видѣть, дѣйствительно-ли откроются очи его.

Видящіе внѣшними очами путеводили слѣпымъ, который видѣлъ внутренними очами, а слѣпой, находясь во мракѣ, путеводительствовалъ видящими, кои внутренно были ослѣплены. Омылъ бреніе съ глазъ

своихъ и увидѣлъ себя, омыли и они слѣпоту отъ сердца своего и увидѣли себя. (Такимъ образомъ) въ то время, когда Господь явно открывалъ очи одного слѣпаго, сокровенно Онъ открылъ очи многихъ слѣпцовъ. Прозрѣвшій слѣпой послужилъ для Господа какъ бы жезломъ, посредствомъ котораго Онъ собралъ многихъ слѣпыхъ и исцѣлилъ отъ слѣпоты сердца.

Въ немногихъ словахъ Господа скрывались многія сокровища, и на этомъ дѣлѣ исцѣленія таинственно начертано было, что Онъ — Сынъ Творца. „*Иди*,— говоритъ,—*умой лице свое* (Іоан. 9, 7)". Чтобы кто-нибудь не подумалъ, что это исцѣленіе подобно болѣе искусству, чѣмъ чуду, для сего послалъ его умыться, дабы показать, что слѣпой не сомнѣвался въ томъ, что Господь исцѣлилъ его; и дабы посредствомъ разспросовъ и разсказовъ о случившемся слѣпой открыто обнаружилъ свою вѣру.

Итакъ, плюновеніе Господа стало какъ бы ключемъ для заключенныхъ очей, и очи и зѣницы при водахъ исцѣлилъ и въ водахъ образно приложилъ Свое освященіе къ немощи нашей. Господь сдѣлалъ это для того, чтобы, когда плевали Ему въ лицо, очи слѣпыхъ, отверстыя плюновеніемъ Его, обвинили ихъ. Но они не уразумѣли своего обличенія, какое Господь, открывши очи слѣпыхъ, выразилъ слѣдующими словами: „*видящіе будутъ слѣпы* (Іоан. 9, 39)",—что относится къ слѣпымъ, кои тѣлесно (только) видѣли Его, и къ видящимъ, коимъ Онъ открылся духовно. „*Реніе*,—говорятъ,—*сдѣлалъ въ сію субботу* (Іоан. 9, 14, 16)". Умолчали о Томъ, Кто исцѣлилъ, и начали порицать то, что сдѣлалъ. Какъ тому человѣку, который находился въ болѣзни тридцать восемь лѣтъ, говорили: „*кто повелѣлъ тебѣ*

нести постель (Іоан. 5, 10)“, а не: „кто исцѣливъ тебя“, такъ и теперь говорятъ: „*бреніе сдѣлалъ въ сію субботу*“. Однако, развѣ и безъ бренія, движимые ненавистью, они не отвергли Его, когда Онъ однимъ словомъ исцѣлилъ больнаго водянкой (Лк. 14, 2). Что сдѣлалъ этому (больному), когда исцѣлялъ его? Однимъ только словомъ онъ былъ очищенъ и сталъ здоровъ. Итакъ, по ихъ мнѣнію, (даже) тотъ нарушаетъ субботу, кто произноситъ слова. Такъ, скажешь. Но если такъ, то кто болѣе нарушилъ субботу, Спаситель-ли нашъ Своимъ исцѣленіемъ, или они, изъ ненависти говорившіе противъ своего Благодѣтеля?

Слова: „*всѣ, которые пришли ранѣе Меня, были воры и разбойники* (Іоан. 10, 8)“ сказалъ о Ѳевдѣ и Іудѣ (ср. Дѣян. 5, 36—37).

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

„*И тамъ былъ боленъ нѣкто, Лазарь было имя ему, и сестры его послали сказать Господу: Господи, вотъ, тотъ, кого Ты любишь, лежитъ больной въ постели* (Іоан. 11, 1—3)“. Сравни же слова Животворца и замѣть, какъ они согласуются между собой. Слѣпому сказалъ: „*грѣхъ (сей) ни его, ни родителей его, но да откроются на немъ дѣла Божіи* (Іоан. 9, 3)“; а о болѣзни Лазаря сказалъ: *сія болѣзнь не къ смерти, но ради славы Божіей, да прославится чрезъ нее Сынъ Божій* (Іоан. 11. 4)“. И сказалъ ученикамъ: „*придите, пойдемъ въ Іудею* (Іоан. 11, 7)“. Отвѣчаютъ Ему: „*іудеи ищутъ убить Тебя, и Ты опять идешь туда* (Іоан. 11, 8)?“ Но, — говоритъ, — гдѣ скорби, туда спѣшитъ и врачъ. Иду къ побивающимъ камнями, дабы изъ побивающихъ камнями они сдѣлались сви-

дѣтелями. „*Многіе*, — говоритъ, — *увѣровали тамъ въ Него* (Іоан. 10, 45)“.

„*Не двѣнадцать-ли часовъ во днѣ? Кто ходитъ днемъ, тотъ не спотыкается, потому что видитъ свѣтъ* (Іоан. 11, 9)“ Сими словами посредствомъ образнаго сравненія хотѣлъ научить апостоловъ, что ранѣе конца года отпущенія, матери мѣсяцевъ [1]), іудеи не споткнутся на убіеніи Господа, по причинѣ коего воцарится на Сіонѣ мракъ. „*Не двѣнадцать-ли часовъ во днѣ?*“ — то есть, почто боитесь быть побитымъ камнями? Пока Я съ вами, никто изъ васъ не пострадаетъ со Мной и за Меня. Но настанетъ для васъ ночь, полная скорбей, когда Я вознесусь отъ васъ и оставлю васъ. Но примите вѣнцы, какъ и Я, который увѣнчаюсь и вознесусь отъ васъ. „*Придите, идемъ умереть вмѣстѣ съ Нимъ*“. Увѣрены были, что отправившись съ Нимъ они будутъ побиты камнями. Посему утѣшеніемъ укрѣпилъ ихъ, говоря:

„*Лазарь, другъ нашъ, умеръ, и Я радуюсь за васъ* (Іоан. 11, 14. 15)“. Если же радовался, то почему заплакалъ, когда пришелъ? Усмотри изъ этого, какъ далеко различествуютъ отъ Господа даже тѣ, которые были самыми близкими Ему. И какъ человѣкъ, въ коимъ сокрыты всѣ естества, въ своемъ мѣстѣ проявляетъ какое-угодно изъ нихъ, то духъ, то тѣло, такъ и Господь показалъ голодъ на хлѣбѣ (Матѳ. 4, 2—3), и слезы на другѣ. Всѣ врачи прилагаютъ стараніе и попеченіе прежде, чѣмъ умретъ человѣкъ: а врачъ Лазаря обратился къ мертвому, дабы на смерти его показать превосходство Своего врачебнаго искусства. Возрадовался, когда услышалъ; заплакалъ, когда пришелъ. Прежде чѣмъ пришелъ,

---

[1]) Поелику мѣсяцъ есть часть года.